

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

LANGUAGES IN CONTACTS

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468

EDN: KOMGGC

Научная статья / Research article

История арабско-татарских языковых контактов в социолингвистическом аспекте

Р.Ф. Мирхаев^{ORCID}

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

✉ mirhaev77@mail.ru

Аннотация. В процессе своего развития татарский язык на протяжении многих веков контактировал с арабским языком и в той или иной мере испытывал на себе его влияние. Результатом явилось достаточно большое количество заимствований, которые в определенной своей массе уже давно укоренились в словарном составе татарского языка и не воспринимаются даже простым обывателем как чужеродные. В настоящее время с уверенностью можно сказать, что в лексико-семантическом плане они изучены досконально. В то же время все еще ждут своего научного осмысления в социолингвистическом аспекте арабско-татарские языковые контакты, которые во многом способствовали формированию указанного генетического пласта татарского языка. Этим и определяется актуальность настоящей работы. Ее целью является исследование культурно-исторических факторов, способствовавших проникновению арабского языка в татарский языковой ареал, социальной среды его бытования и сфер применения в татарском обществе в диахроническом аспекте. В качестве материала послужили работы по истории татарского народа, татарской литературы и татарского литературного языка. В процессе их анализа были применены методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации. В результате исследования было выявлено, что становлению и развитию арабско-татарских языковых контактов во многом способствовали факторы религиозного характера, а именно принятие и исповедование предками татар ислама. Далее были определены границы социальной среды бытования и сфер применения арабского языка в татарском обществе. В историческом плане первая формировалась внутри сообщества духовенства, ученых и учащихся религиозных учебных заведений, а в качестве вторых выступали религия, образование, наука и художественная литература. По мнению автора, именно в их рамках и происходили многовековые арабско-татарские языковые контакты.

Ключевые слова: арабский язык, татарский язык, социальная среда бытования языка, сферы применения языка, социолингвистическая реконструкция, социолингвистическая интерпретация

© Мирхаев Р.Ф., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 14.05.2024; принята к печати 19.06.2024.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках реализации государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа».

Для цитирования: *Мирхаев Р.Ф.* История арабско-татарских языковых контактов в социолингвистическом аспекте // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 3. С. 459–468. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468>

The History of Arabic-Tatar Language Contacts in the Sociolinguistic Aspect

Rifat F. Mirkhayev^{ORCID}

Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

✉ mirhaev77@mail.ru

Abstract. In the process of its development, the Tatar language has been in contact with the Arabic language for many centuries and, to one degree or another, has been influenced by it. The result of all this was a fairly large number of borrowings, which, to a certain extent, have long been rooted in the vocabulary of the Tatar language and are not perceived even by the common man in the street as alien. At present, we can say with confidence that in lexical and semantic terms they have been studied thoroughly. At the same time, Arabic-Tatar language contacts, which largely contributed to the formation of the indicated genetic layer of the Tatar language, are still awaiting their scientific understanding in the sociolinguistic aspect. This determines the relevance of this work. Its goal is to study the cultural and historical factors that contributed to the penetration of the Arabic language into the Tatar linguistic area, the social environment of its existence and areas of application in Tatar society in a diachronic aspect. The material used was works on the history of the Tatar people, Tatar literature and the Tatar literary language. In the process of their analysis, methods of sociolinguistic reconstruction and sociolinguistic interpretation were applied. As a result of the study, it was revealed that the formation and development of Arabic-Tatar language contacts was largely facilitated by factors of a religious nature, namely the adoption and practice of Islam by the ancestors of the Tatars. Next, the boundaries of the social environment and spheres of application of the Arabic language in Tatar society were determined. Historically, the first was formed within the community of clergy, scientists and students of religious educational institutions, and the second were religion, education, science and fiction. According to the author, it was within their framework that centuries-old Arab-Tatar language contacts took place.

Key words: Arabic language, Tatar language, social substrate of language, areas of application of language, sociolinguistic reconstruction, sociolinguistic interpretation

Article history: received 14.05.2024; accepted 19.06.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

Acknowledgments. The study was carried out within the framework of the Republic of Tatarstan state program implementation “Preservation of the national identity of the Tatar people.”

For citation: Mirkhayev, R.F. 2024. “The History of Arabic-Tatar Language Contacts in the Sociolinguistic Aspect.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (3), 459–468. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-3-459-468>

Введение

В современном языкознании изучение языковых контактов, которые проявляются во взаимодействии «1) диалектов и наречий одного языка; 2) языков различных социальных групп в пределах одного языка; 3) близкородственных языков; 4) различных по структуре языков» [1. С. 166], представляет собой одно из актуальных направлений. Исследования в данной области имеют большое значение как для реконструкции процессов становления и развития различных языков, так и в плане решения проблем исторического и культурологического характера. В этом отношении научное осмысление в социолингвистическом аспекте арабско-татарских языковых связей, которые имели место на протяжении более чем тысячи лет, является актуальным с точки зрения определения их социальных границ, функциональной природы, роли, которую они сыграли в истории татарского народа, его языка и духовной культуры. До настоящего времени в татарском языкознании в данной области преобладали исследования чисто лингвистического характера, направленные в основном на изучение арабских заимствований. И здесь следует выделить труды, в которых рассматриваются особенности употребления лексических единиц, грамматических форм и конструкций арабского происхождения в старотатарских письменных текстах [2–6]. Между тем социолингвистические аспекты арабско-татарских языковых контактов всё еще остаются не до конца изученными.

Цель настоящей работы — раскрытие детерминировавших арабско-татарских языковых контактов культурно-исторических факторов, а также определение границ социальной среды бытования арабского языка и сфер его функционирования в татарском обществе в диахронии. Материалом послужили работы по истории татарского народа, татарской литературы и татарского литературного языка. Основу методологии составили методы социолингвистической реконструкции и социолингвистической интерпретации.

Обсуждение

Культурно-исторические факторы. Начало воздействия арабского языка на тюркские языки ученые связывают с принятием носителями последних ислама [7. С. 181]. В этом отношении не является исключением и язык древних предков современных татар — волжских булгар. По мнению историков, на территорию их проживания — в Поволжье мусульманская религия проникает уже в VIII в. Предтечей этого явилось установление торговых связей с восточными странами. Распространению ислама способствовали также процессы этнополитической консолидации практиковавших свои религиозные культы и верования местных племен вокруг булгар и стремление их правителей освободиться от вассальных отношений с Хазарским каганатом. Считается, что «создание надплеменного этнополитического объединения потребо-

вало утверждения унифицированной, универсалистской и интегрирующей религиозной системы, не имеющей корней в местной среде» [8. С. 550].

Согласно историческим данным, отмеченные выше процессы особенно активизируются в конце IX — начале X в., вследствие чего на мировой карте появляется новое государство — Волжская Булгария, где ислам становится государственной религией. Об этом свидетельствует факт принятия мусульманской веры частью болгарской знати во главе с их правителем Алмышем (конец IX — середина X в.) и прибытие в страну в 922 г. официального посольства от багдадского халифа аль-Муктадира (895–932 гг.). Последнее событие сыграло немаловажную роль в укреплении международных позиций страны, способствовало еще большему распространению ислама среди местного населения и укреплению его позиций в Поволжье.

Статус государственной религии ислам в дальнейшем обретет и в Золотой Орде и сохранит его вплоть до падения Казанского ханства. С завоеванием последнего в 1552 г. Московским царством он утрачивает свои прежние позиции в официальных сферах. Однако, несмотря на это, татары не перестали его исповедовать и практиковать нормы мусульманского права в повседневной жизни, хотя новые исторические условия и наложили свой отпечаток в этом деле. Вследствие разрушения прежних институтов политического и нормативного регулирования в религиозной сфере исполнение предписаний шариата становится делом чести представителей духовенства и уммы.

Сохранению исламом, пусть и не в прежней степени, своих позиций в татарском социуме в первую очередь способствовала отлаженная веками система ритуала и догматики. Свою роль в этом сыграл также суфизм — течение мистического характера, которое начало проникать и распространяться в Поволжье еще в эпоху Волжской Булгарии и представители которого ставили перед собой цель достичь повышенной духовности и слияния с Всевышним. Заявляя о тленности земной жизни, бессмысленности обогащения в материальном плане, они призывали довольствоваться малым и развиваться в духовном плане. В условиях жестокой социально-экономической, национальной и религиозной политики, которую царская администрация проводила в отношении инородцев и которая во многом породила атмосферу безысходности, идеи и ценности суфизма нашли поддержку и широкий отклик у местных последователей пророка Мухаммеда. Тем самым на протяжении последующих трех веков после падения Казанского ханства татарский народ, несмотря на религиозные притеснения, всё же не потерял своей связи с остальным мусульманским миром и в духовном плане развивался в рамках так называемой «религии сердца».

Социальная среда бытования. С принятием ислама в Волжской Булгарии начинает формироваться своя мусульманская община и духовенство. Среди местного населения именно представители последнего выступили в качестве первых носителей арабского языка — официального языка богослужения в

исламе. Хотя структура болгарской мусульманской общины еще мало изучена, но тем не менее факт ее бытования не вызывает каких-либо сомнений, так как на это указывают данные восточных источников. Ее ядро, как и в арабских странах, составляли кади, факихи, имамы, и хатибы, о чем свидетельствуют арабские путешественники того времени [9. С. 27, 66]. Наложная на этих лиц функция проведения религиозного ритуала само собой предполагала владение арабским языком, на котором традиционно проходило богослужение.

Определенные сведения до наших дней дошли о структуре мусульманского духовенства Золотой Орды. Возглавляли его отличавшиеся своим привилегированным положением в государстве сеиды, так называемые потомки пророка Мухаммеда. Далее шли кади — судьи-чиновники, которые выбирались общиной или же назначались правителем. По мнению историков, «их основной обязанностью было решение не только гражданских дел и разрешение вопросов вероучения, но и наблюдение за вопросами нравственности, надзор за имуществом вакфов и т.д. Очень часто кади выполнял функции административного руководителя общины, а иногда служил чиновником для особых поручений, недаром золотоордынские кади часто упоминаются как участники дипломатических контактов, например, с Египтом» [10. С. 610]. Всё это указывает на то, что духовные лица были сведущими людьми не только в религиозных, но и в государственных делах. Участие в налаживании контактов со странами мусульманского востока требовало от них помимо прочего и совершенного владения арабским языком, который они, как уже было сказано, и так практиковали при проведении культовых обрядов.

Далее наличием разветвленного сословия духовных лиц характеризовалось и Казанское ханство. Во главе его также стоял верховный сеид. За ним шли другие сеиды. Кроме них были шейхи, муллы, кади, хаджи, хафизы, дервиши и суфии [11. С. 441]. Они также отличались высокой степенью грамотности и образованности, в совершенстве владели арабским языком и свободно пользовались им в рамках своей деятельности, как в религиозной, так и в государственной сфере.

В среде мусульманского духовенства Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства выделялись также ученые, которые занимались теоретическими и практическими аспектами богословия. Их имена и труды были известны и в других странах мусульманского мира. Так, например, с болгарской эпохи до наших дней дошли имена Сулеймана ас-Саксини ас-Сувари, Абу-л-ал Хамида ал-Булгари, Бурхан ад-дина Ибрагима, Бурхан ад-дина Ибрагима ал-Булгари, ходжи Ахмеда ал-Булгари, Тадж ад-дина ал-Булгари. Они также являлись носителями арабского языка, так как владели им в совершенстве и активно использовали его в своей деятельности, в частности при составлении богословских трактатов.

Следующая группа носителей арабского языка в местной среде, наверное самая многочисленная, была представлена сообществом учащих (шакирдов)

мусульманских религиозных школ (медресе), которые в Поволжье начинают появляться уже в эпоху Волжской Булгарии [8. С. 556]. Как правило, обучение в них напрямую было связано с изучением арабского языка и его применением в образовательно-воспитательном процессе. Как следствие, из стен медресе выпускались не только религиозные служители, но лица, обладающие определенными языковыми компетенциями.

После завоевания Казани Москвой исламские институты лишились прежних источников финансирования и государственной поддержки. Все это вместе с другими факторами привело к определенной трансформации состава и функций местного мусульманского духовенства. Также в результате направленных против национальной, религиозной, социальной и экономической политики царского правительства восстаний и бунтов значительно уменьшилось количество возглавлявших их духовных лиц. Так, например, в конце XIX в. религиозные служители составляли лишь 1–2 % от общего числа татар в этот период [12. С. 56]. Тем самым в обществе в определенной степени уменьшается круг носителей арабского языка. В результате должно было ослабнуть и его воздействие на татарский язык, что в первую очередь проявилось бы в уменьшении арабских заимствований в последнем. Однако, как показывают языковые материалы, в старотатарских письменных текстах они начинают изобиловать именно с начала XVII в. И данное явление наблюдается вплоть до конца XIX в. Всё это говорит об обратном, т.е. арабский язык, несмотря на негативные социокультурные факторы, всё же смог сохранить свои позиции в татарском обществе.

Сферы функционирования. После принятия волжскими булгарами ислама арабский язык начинает использоваться предками современных татар прежде всего в качестве конфессионального языка, чему в большей степени способствовал факт ниспослания на нем Корана. По убеждению мусульман, он является божественным откровением и в целях предотвращения каких-либо искажений следует постигать и читать священное писание только на арабском, так как его переводы на другие языки являются лишь творениями человеческого разума и поэтому лишены той сакральности, которой данная книга была наделена изначально. В свою очередь, это предопределило проведение на арабском молитвенного обряда, в большей части представляющего собой чтение аятов из Корана.

Незыблемость позиций арабского языка в религиозной сфере сохранялась на протяжении всей истории развития татарского социума. Однако было бы неправильно утверждать, что распространение ислама в Поволжье шло исключительно только на нем. В своей деятельности, особенно в проповеднической, представители духовенства также опирались на местные тюркские наречия, а в дальнейшем и на татарский язык. В результате у последнего формируется своеобразный религиозно-дидактический стиль, насыщенный арабскими заимствованиями.

Распространение ислама способствовало становлению в Волжской Булгарии системы образования, основанного на традициях мусульманского просвещения. Ее основу, как и в восточных странах, составили медресе, в стенах которых готовились священнослужители и учителя, а также государственные служащие [8. С. 561]. Кроме того, ставилась цель приобщения местного населения к основам новой религии. В содержательном плане образовательный процесс включал в себя изучение предметов теологической, этической, риторической и логической направленности. Всё это в первую очередь предполагало обучение арабскому языку, так как оно позволяло знакомство с Кораном, религиозными книгами и дидактической литературой непосредственно на нем, что, как уже было отмечено выше, играло немаловажную роль в постижении божественного откровения. Знание арабского служило серьезным подспорьем также в деле получения высшего теологического образования в других странах мусульманского Востока, куда отдельные шакирды отправлялись после окончания местных медресе с целью углубления своих знаний. Данная система обучения практиковалась татарами вплоть до конца XIX в., и она предопределила доминирование арабского языка в сфере образования на протяжении многих столетий. После, в силу новых социокультурных реалий, свои позиции в сфере образования он уступил татарскому языку.

Схожая языковая ситуация имела место и в области науки. Здесь также наряду со старотатарским и персидским определенные позиции занимал арабский язык [13. С. 26]. С принятием ислама и после установления с другими мусульманскими странами политических, торговых и культурных связей в Поволжье начинают распространяться труды восточных мыслителей, в основной своей массе религиозно-философского характера. Они оказали непосредственное влияние на становление местной богословской школы: их изучали в медресе, на них писались комментарии и на их примере создавались другие трактаты. Составлялись они, как уже было сказано, на арабском. Самым ранним из известных на сегодняшний день таких сочинений является книга «Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад» («Красота садов и утешение страждущих душ») ученого-богослова первой половины XII в. Сулеймана ибн Дауда ас-Саксини, происхождение которого ученые связывают с болгарскими городами Сувар и Саксин [14. С. 4]. В идейно-содержательном плане данный труд является образцом средневековой мусульманской религиозно-художественной литературы, автор которого наставляет своего читателя на путь истинный, призывает его стремиться к добродетели, набожности и проявлять покорность Всевышнему.

Кроме религиозных трактатов на арабском языке создавались и труды по естественным наукам [15. С. 37]. Из них до наших дней дошли работы по фармакологии «Ат-Тирйак ал-кабир» («Большое противоядие») и «Мухтасар фи ма‘рифат ал-адвиййа» («Краткий трактат в познании простых лекарств») известного фармаколога и медика Таджеддина ал-Булгари (начало XIII в.), который также является выходцем из Волжской Булгарии.

Традиция применения арабского языка в научной сфере у татар сохранилась до конца XIX в., о чем свидетельствуют труды религиозно-богословского толка известных татарских ученых-реформаторов Габденнасыра Курсави (1776–1812 гг.), Габдрахима Утыз Имяни ал-Булгари (1754–1834 гг.), Шигабуди́на Марджани (1818–1889 гг.), Каюма Насыри (1825–1902 гг.), а также большое количество филологических, грамматических и риторических сочинений, использовавшихся в качестве учебно-методических пособий в медресе [12. С. 855–856; 16. С. 104, 106].

Еще одна область, где арабский язык применялся в качестве рабочего языка, это — сфера художественной литературы, в частности поэзии. По мнению литературоведов, причиной тому явилось влияние арабской литературной традиции на становление и развитие татарской художественной словесности, а также происхождение основной массы татарских поэтов из среды духовенства [13. С. 35, 51; 16. С. 76, 87]. Однако здесь его позиции были не столь сильными, так как мастера художественного слова творили в основном на старотатарском языке, а также иногда пользовались и персидским языком.

Заключение

История арабско-татарских языковых контактов насчитывает более тысячи лет. Как показало наше исследование, в культурно-историческом плане они в большей степени были обусловлены религиозными факторами, в частности принятием и исповедованием предками современных татар ислама. В данном контексте проникновению арабского языка в татарский языковой ареал способствовала непреложность постижения Корана и проведения богослужения на нем, а в качестве его проводников выступили религиозные служители, ученые и шакирды, которые в силу своих профессиональных интересов осваивали арабский язык и практиковали его в своей повседневной деятельности.

Изначальная рецепция арабского языка местным мусульманским сообществом в качестве сакрального и престижного коммуникативного средства предопределила также сферы его применения в татарском социуме. В этом плане он долгое время занимал доминирующее положение и контактировал с татарским языком в областях религиозной практики, образования и науки. А его образцовость и выразительность обеспечили ему определенные позиции в художественной литературе. Именно этим объясняется употребление наибольшего количества связанных с указанными сферами общественной деятельности арабских заимствований в татарском языке на сегодняшний день.

Список литературы

1. *Захватаева К.С.* Языковые контакты: базовые понятия и их стратификация // Известия российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 126. С. 165–170.

2. Гилемшин Ф.Ф. XIX — начало XX века как особый этап в истории татарского литературного языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. № 2. С. 216–226. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
3. Кадирова Э.Х. Поэмы Мухаммедьяра «Тухфа-и мардан» и «Нур-и содур»: лексика. Казань: РИЦ: «Дом печати», 2001.
4. Миннуллин Б.К. Арабо-персидские и турецкие заимствования в языке татарской периодической печати начала XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (17). С. 99–101.
5. Мөхәммәдиев М.Г. Ш. Камал прозасының теле [Язык прозы Ш. Камала]. Казан: СССР ФА КФУ Г. Ибраһимов исемендәге Тел, әдәбият һәм тарих институты, 1991.
6. Нуриева Ф.Ш. Исторические и лингвистические условия формирования тюрко-татарского литературного языка золотоордынского периода. Казань: Казанский государственный университет, 2004.
7. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1969.
8. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: РухИЛ, 2006.
9. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / пер. с араб. / публикация О.Г. Большакова, А.Л. Монгайта. М.: Наука, 1971.
10. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. III: Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. / гл. ред.: М. Усманов, Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2009.
11. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. IV: Татарские государства XV–XVIII вв. / гл. ред.: Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2014.
12. История татар с древнейших времен: в 7 томах. Т. VI: Формирование татарской нации. XIX — начало XX в. / гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории АН РТ, 2013.
13. Татар әдәби теле тарихы (XIII гасыр — XX йөз башы). Т. I: Фонетика. Графика: язма традицияләр, норма һәм вариантлылык [История татарского литературного языка (XIII век — начало XX века). I т.: Фонетика. Графика: письменные традиции, норма и вариативность] / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2015.
14. Сулейман ибн Дауд ас-Саксини. Зухрат ар-рийад ва нузхат ал-кулуб ал-мирад = Красота садов и утешение страждущих душ / авт.-сост.: И.Г. Гумеров, С.Т. Рахимов, А.М. Ахунов. Болгар: Болгарская исламская академия, 2022.
15. Хаков В.Х. Тел — тарих көзгесе (Татар әдәби теленен үсеш тарихыннан) [Язык — зеркало истории (из истории развития татарского литературного языка)]. Казан: Татар. кит. нәшр., 2003.
16. Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 3: XIX йөз [История татарской литературы: в восьми томах. 3 т.: XIX век] / Төз. Р.Ф. Рахмани; фән. мөх. Х.Й. Миңнегулов. Казан: Татар. кит. нәшр., 2015.

References

1. Zahvataeva, K.S. 2010. “Language contacts: basic concepts and their stratification.” *Izvestia: Herzen university journal of humanities & sciences*, no 126, pp. 165–170. Print. (In Russ.)
2. Gilemshin, F.F. 2023. “XIX — the Beginning of the XX Century as a Special Stage in the History of the Tatar literary language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 20, no. 2, pp. 216–226. Print. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-2-216-226>
3. Kadirova, Je.H. 2001. Poems ‘Tuhfai Mardan’ and ‘Nur-i Sodur’ by Mukhamedyar: vocabulary. Kазan: Dom pechati publ. Print. (In Russ.).
4. Minnullin, B.K. 2012. “Arab-Persian and Turkish borrowings in Tatar periodicals language of the beginning of the XXth century”. *Philology. Theory & Practice*, vol. 6, no. 17, pp. 99–101. Print. (In Russ.).

5. Mohammadiev, M.G. 1991. Prose language of Sh. Kamal. Kazan: SSSR FA KFY G. Ibrahimov isemendege Tel, adabijat ham tarih instituty publ. Print. (In Tatar).
6. Nurieva, F.Sh. 2004. Historical and linguistic conditions for the formation of the Turkic-Tatar literary language of the Golden Horde period. Kazan: Kazanskij gosudarstvennyj universitet publ. Print. (In Russ.).
7. Baskakov, N.A. 1969. Introduction to the study of Turkic languages, 2nd ed., corrected and expanded. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
8. Usmanov, M., and R. Hakimov, R. 2006. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. II. Volga Bulgaria and the Great Steppe. Kazan: RuhIL publ. Print. (In Russ.)
9. Bolshakov, O., and A.L. Mongait. 1971. The Journey of Abu Hamid al-Garnati to Eastern and Central Europe. (1131–1153): Translation from Arabic. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
10. Usmanov, M., and R. Hakimov. 2009. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. III. Ulus of Jochi (Golden Horde). XIII — the middle of the XV century. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
11. Hakimov, R. 2014. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. IV. Tatar states XV–XVIII centuries. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
12. Hakimov, R. 2013. History of the Tatars from ancient times. In seven volumes. Vol. VI. Formation of the Tatar nation. XIX — early XX centuries. Kazan: Institut istorii AN RT publ. Print. (In Russ.)
13. History of the Tatar literary language (XIII century — early XX century). 2015. Composed and edited by Bashirova, I.B., Nurieva, F.Sh., Kadyirova, E.Kh., and F.M. Khisamova. Vol. I: Phonetics. Graphics: written traditions, standart and variability. Kazan: TƏhSI publ. Print. (In Tatar)
14. The beauty of gardens and the comfort of suffering souls. 2022. Composed by Gumerov, I.G., Rahimov, S.T., and A.M. Ahunov. Bolgar: Bolgarskaja islamskaja akademija publ. Print. (In Russ.)
15. Hakov, V.H. 2003. Language is a mirror of history (from the history of the development of the Tatar literary language. Kazan: Tatar. kit. nəshr. publ. Print. (In Tatar)
16. History of Tatar literature: in eight volumes. 2015. Composed and edited by Rahmani, R.F., and H.J. Minnegulov. Vol. 3: XIX century. Kazan: Tatar. kit. nəshr. publ. Print. (In Tatar)

Сведения об авторе:

Мирхаев Рифат Фирдинатович — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Российская Федерация, 420111, г. Казань, ул. Баумана, д. 20. ORCID: 0009-0004-9740-8957. E-mail: mirhaev77@mail.ru

Bio note:

Rifat F. Mirkhayev is a Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of General Linguistics, the Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov, the Tatarstan Academy of Sciences, 20 Bauman St, Kazan, 420111, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-9740-8957. E-mail: mirhaev77@mail.ru